

МНЕНИЕ

Компрос*

100 лет назад с карт Перми исчезла улица Кунгурская

Андрей Климов,
сенатор от Пермского края

Трудно найти в Перми человека, который не знает, что такое Компрос и где он находится. Комсомольский проспект почти два века был одной из главных магистралей моего города, хотя название это получил лишь в 1923 году. До той поры самая широкая улица, идущая вниз от бывшего кафедрального собора, а затем взбирающаяся на новый холм, называлась Кунгурской, позже Красным проспектом. В XVII–XIX веках её главной функцией было защищать своей особой шириной деревянную Пермь от распространения губительных пожаров.

Мои первые воспоминания о Компросе связаны с детским садом №72 (ныне это часовня Стефана Великопермского). Тогда из окон второго этажа я с другими малышами наблюдал за городской жизнью. Например, хорошо помню, как в 1959 году на Комсомольском готовились к пуску первого пермского троллейбуса. Именно по пешеходной оси этого проспекта, между молодыми тогда ещё деревьями, воспитательница Зоя Петровна водила нас на прогулки к крутому камскому берегу.

Пока учился в школе №77, мне чаще доводилось бывать на Тихом Компросе — в той его части, что с запада обходит высоту Главного управления внутренних дел и затем идёт мимо фонтанов величественного дворца культуры, упирается в проходные авиамоторного завода.

Кстати, о здании ГУВД. Его называют ещё «Башня смерти». Там, правда, никог-

да не расстреливали, поскольку построили эту административную громаду с маленькой башенкой наверху уже после сталинских репрессий, в канун смерти Иосифа Сталина. Но архитектор Парелин успел донести через свой проект дух монументального классицизма «вождя народов». Таким образом, основная часть трёхкилометрового Компроса пролегает между двумя башнями — Спасо-Преображенского собора и ГУВД, каждая из которых, в свою очередь, венчает вершины противоположных холмов.

Это сегодня старый сквер между двумя потоками машин, несущихся вдоль Комсомольского проспекта, малолуден. А в 1970-е годы, когда деревья были ниже, а мы моложе, автомобилей вдоль Компроса сновало заметно меньше, зато внутри кипела жизнь пермских поклонников The Beatles и модной заморской субкультуры — хиппи. Тогда же в обиход советской молодёжи раз и навсегда вошли голубые коттоновые штаны — джинсы. Причём каждый новый обладатель подлинной фирменной «левисов» или «вранглеров» спешил явить их миру именно на Компросе.

К слову, в 1970-е годы владельцы оригинальных американских штанов были единицы. Приобретались эти дорожные брюки у перекупщиков на «Балке» (пермском вещевом рынке) либо «доставались» через Москву и портовые города Союза. Остальные соотечественники пользовались «перепечатками», пошитыми в странах социалистической Восточной Европы или подпольно — цеховиками на какой-нибудь Дерибасовской. А ещё заморские диковины приобретались по блату на севере таёжного края у лесников. К ним сакральные штаны поступали прямо по бартеру, в обмен на уральские брёвна.

Честно говоря, история про дефицитные джинсы, а заодно пластинки The Beatles и бутылки с кока-колой весьма поучительна. Мне до сих пор кажется: допусти брежневские старцы на рынок СССР все эти западные штучки, разреши развитие экономики наподобие недавних китайских реформ (при сохранении стратегического управления со стороны государства), и Советский Союз не только сохранился бы до сих пор, но и

стал бы мощнее нынешнего Китая и, возможно, даже США. Увы, руководство КПСС минимум трижды упустило шанс эффективной модернизации Отечества: в конце 1960-х (когда были заблокированы косыгинские реформы); после подписания Хельсинкских соглашений и перед московской Олимпиадой (1975–1980) и в конце 1980-х. В итоге мы имеем трагический распад СССР, беспредел и нищету для большинства в 1990-е. Только к 2008 году новая Россия, по образному выражению, начала «подниматься с колен»...

Вернёмся, однако, на Компрос начала 1970-х. Летними вечерами наибольшее оживление наблюдалось в районе серых «крепостных» стен «Пермэнерго», напротив парка им. Горького, или, как называли его тогда, «Огорода». Там, за забором, напоминающим решётку питерского Летнего сада, в глубине тенистых аллей, устраивались танцы. С учётом партийной цензуры репертуар был в основном советский: из «быстрых» — вокально-инструментальные ансамбли играли что-нибудь типа «Каси́ Ясь канюшину», из «медленных» — нечто а-ля «Звёздочка моя ясная». Однако ближе к полуночи периодически звучали «забойные» заморские хиты вроде британских The Rolling Stones.

В ту пору почти все продвинутые посетители Компроса (особенно студенты «универа», «политеха» и «меда») взахлёб зачитывались дефицитным журналом «Москва» с булгаковским «Мастером и Маргаритой». Но мы тогда и представить не могли, что «Роллинги» тоже зачитывались «Мастером», а один из их хитов — Sympathy for the Devil — был написан под впечатлением этого советского шедевра. Но тогда, в разгар холодной войны, у нас нечасто задумывались о диалоге цивилизаций, особенно в таких центрах «оборонки», как Пермь. В этом смысле Компрос тоже не отставал: в его северной части готовили ракетчиков, а в южной выпускали военную продукцию стратегического значения.

Однако сказать, что здесь жили только суровой жизнью, я никак не могу. Именно тогда, в семидесятые, студенты двух пермских вузов (ПГУ и ППИ) публично состязались друг с другом в талантах и остроумии. Мы с университетскими однокашниками занимались,

например, различными постановками, проводили хит-парады, юморины, дискотеки (среди первых в стране!).

Нередко наша творческая группа собиралась на Компросе, в комфортабельном Доме учёных, где проживал один наш соавтор, сын известного университетского профессора. Когда были деньги, мы творили в немногочисленных, но популярных компросовских кафешках. Там же спорили, влюблялись, ссорились и мирились.

А ещё по большим праздникам Комсомольский проспект и нанизанная на него Октябрьская площадь становились арендой важнейших политических манифестаций. Кстати, у площади нынче круглая дата — 90 лет со дня наименования. В советское время здесь дважды в год (7 ноября и 1 мая) проходили демонстрации трудящихся. Впрочем, не только. Ещё студентом я участвовал в массовом шествии, посвящённом 250-летию Перми.

Забавная деталь: если во время общесоюзных торжеств колонны шли через Октябрьскую площадь от ГУВД в сторону Камы (то есть к бывшему кафедральному собору), то к юбилею Перми наоборот — от храма к милиции, причём в любом варианте пермяки следовали мимо прокуратуры.

Я бы мог вспомнить ещё многое о Комсомольском проспекте, людях, которые здесь жили и работали (включая моего отца Аркадия Климова), но пора закругляться. 100 лет назад в Перми исчезло название — Кунгурская улица. Однако жалеть об этом не стоит, ведь оно до 1917 года обозначало лишь направление на Кунгур. Зато имя «Комсомольский проспект» фиксирует эпоху, которая прошла через судьбы большинства живущих ныне пермяков и более никогда не повторится.

Мы то и дело слышим слова о любви к Родине и патриотизме. Слова правильные. Но когда я вижу, как 9 мая по Комсомольскому проспекту идут мои земляки с портретами «Бессмертного полка» — лицами отцов, дедов, прадедов, то без слов ясно, что такое любовь к Родине, неотъемлемой частью которой для меня был, есть и будет наш Компрос.

* Из цикла «Моя Пермь».

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

